

Иван Горбунов

ОЧЕРКИ О СТАРОЙ МОСКВЕ

Москва
RUGRAM
2021

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г67

Горбунов И.

Г67 Очерки о старой Москве / И. Горбунов. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 92 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72638-2

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Ивана Горбунова «Очерки о старой Москве».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-72638-2

© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Из московского захолустья (рассказ).....	5
Из московского захолустья.....	34
Нана	61
Сара Бернар	65
Монологи.....	73
Затмение солнца.....	85
У пушки	89

ИЗ МОСКОВСКОГО ЗАХОЛУСТЬЯ (РАССКАЗ)

I

Давно уж это было, в тридцатом году, в первую холеру. Тихо жили тогда в Москве. Вставали на восходе, ложились на закате. Движение было только в городе, да на больших улицах, и то не на всех, а в захолустьях, особенно в будни, целый день ни пешего, ни проезжего. Ворота заперты, окна закрыты, занавески спущены. Что-то таинственное представляло из себя захолустье. Огромная улица охранялась одним будочником. Днем он сидел на пороге своей будки, тер табак, а ночью постукивал в чугунную доску и по временам кричал во всю глотку на всю улицу: «Посма-три-вай!...» Хотя некому было посматривать и не на что: пусто и темно, только купеческие псы заливались, раздражаемые его криком. Полагалось четыре фонаря на всю улицу, и те освещали только собственный свой столб, на котором были утверждены.

— Если ты так кричать будешь, я к квартальному пойду... Всю ночь спать не даешь! — замечал купец будочнику.

— Приказано, — отвечал будочник, — чтобы как можно кричать. Мало ли тут непутевого народу?

— В нашей-то стороне?!

— Бывает. Намедни тут днем у калачника тесто украли.

— Поймали?

— Где поймать — ушел!

— Что ж ты криком-то испугаешь его, что ли?

— Все-таки опаска ему есть...

— Какая же ему опаска: ты кричишь «посматривай», а в переулке кричат «караул».

— Это не у нас: в тупичке извозчика грабили. Два часа голый у меня в будке сидел.

Был в захолустье дом, очень красивый, старинной архитектуры, с колоннами; он стоял пустой, заколоченный. Ходила молва, что в нем обитает нечистая сила. Один купец видел ее собственными глазами. Этому верили все — и Немецкая слобода, и Замоскворечье, и Сыромятники.

Горело захолустье очень часто. Эпохи его считались от пожаров.

— Это еще до большого пожара было.

Или:

— Это еще, когда Балкан не горел.

Ни врачей, ни аптек в то время ни в захолустье, ни близко в окружности не полагалось, да и незачем было. «Все под богом», — говорили обыватели. В самых крайних случаях, и то к очень богатым людям, приглашался штаб-лекарь Воскресенский. Болящие прибегали или к своим средствам — череде, бузине, бобковой мази, разным ладанкам с наговором, или обращались к капитанше Мирзоевой — от золотухи и от ушибов лечила; к сапожнику

Разумову — от лихорадки пользовал и от килы знал лекарство; к банщику Ильичу — накожные сыпи понимал; к цирюльнику Ефиму Филиппову — отворял кровь «заграничным инструментом» и помогал от запоя, «пьяного червяка» замаривал. На вывеске у него значилось:

«С дозволения правительства медицинской конторы, заседания г-д врачей, в сем зале отворяют кровь заграничным инструментом пиявочную, баночную и жильную, прическа невест, бандо, стрижка волос, завивка и бритье и прочие принадлежности мужского туалета, по желанию на дом, по соглашению. Экзаменованный фельдшерный мастер Ефим Филиппов и дергает зубы».

Жила в захолустье в собственном доме привилегированная повивальная бабка Юлия Янсон, но к помощи ее никто не обращался, и вывеска у ней болталась для собственного удовольствия.

За воротами дома так же тихо и однообразно, как на улице. Чисто выметенный двор, до того огромный, что на нем можно выстроить свободно эскадрон кавалерии. Большой сад, в нем рдеют пионы, прозябает калуфер¹, божье дерево, цветут бархатцы, шапочки, анютины глазки; десятка два яблонь белого налива, несколько кустов крыжовника и смородины. В доме необыкновенная чистота, то есть в тех комнатах, где не живут хозяева, а принимают гостей. Мебель тяжелая, красного дерева: в углу, в больших раззолоченных киотах божье милосердие; на стене

¹ Калуфер (литературное кануфер) — многолетняя сильно пахнущая трава, употребляющаяся как пряность.

часы с боем; на окошке канарейка в клетке. Вот и все украшение комнаты. Тишина... Установленный издревле порядок никогда не нарушался. Как в прошлом году на святках ставили мелом на дверях кресты, так и в этом году будут ставить; как в прошлом году 9 марта пекли из теста жаворонков, так и в этом будут печь их.

Я сказал, что в редких случаях в захолустье появлялся доктор. Эти случаи бывали обыкновенно после Масленицы. Въезжала широкая масленица в купеческий дом:

*С пирогами, с оладьями,
С блинами, с орехами.*

За неделю до ее прихода в семье устанавливался порядок встречи ее и проводов. С которого дня приступить к блинам — вопрос был важный; решался он на семейном совете и утверждался самим хозяином.

— Ну, с понедельника, так с понедельника, пушай так, — говорил он.

— А оладьи с четверга, — предлагала хозяйка.

— А то кухаркам не управиться, — замечала бабушка.

— Ну, с четверга, — соглашался хозяин.

— А леши каждый день пойдут.

— Само собой, что их жалеть-то...

В понедельник рано утром по всему дому распространяется блинный запах. Коты замурлыкали, даже в щелях тараканы зашевелились. Шарик давно уж сидит на кухне, облизывается и поглядывает на кухарок.

— Блинов, старый черт, дожидаясь! — говорит ему дворник.

Шарик ласково бросается к нему на шею.

— Только я посмотрю, как ты опосля лаять будешь. Я-то опять, я тебя на постную пищу.

Лица у кухарок от жара кажутся обтянутыми красным сафьяном.

Стол накрыт. Выходят хозяева; ведут под руки разбитого параличом дедушку, который только три раза в год появляется в обществе, а остальное время комнаты своей не покидает; входит дальняя родственница Дарья Гавриловна, в молодости имевшая роман с секретарем магистрата, который пропил все ее состояние и «на всю жизнь оставил только одну меланхолию». «Бедная я женщина, — говорит она, — но во мне столько благородства, хотя и купеческого, что я никому не позволю». За ней следует еще родственница Марфа Степановна; постоянное выражение ее лица такое, точно она просит милостыню; шествие замыкают купеческий племянник Кирюша с одутловатой физиономией, мужчина лет пятидесяти; наконец Анна Герасимовна, пожилая, бойкая купеческая вдова, имеющая в захолустье дом с большим старинным садом. Сад этот она весь изрыла и ископала, отыскивая клад, зарытый кем-то в 1812 году.

Свернув блин в трубку и обмакивая его в сметану — «в радости дождавшись», говорит хозяин.

Лица всех просияли. Дедушка хотел было выразить удовольствие улыбкой, но мускулы лица его не действовали, и он только пошевелил левой рукой.

Марфа Степановна, взявши первый блин, прослезилась и глубоко вздохнула.

Сын Семушка взвизгнул.

Дедушка левой рукой подбрасывал блин и хватал его на лету, наподобие собаки, ловящей муху.

Полное молчание.

Семушка сбился со счета.

— Манька, я забыл, сколько съел.

— Грех, батюшка, считать-то, — заметила ему бабушка, — кушай так, во славу божью.

Глаза начинают суживаться; лица у всех сделались влажными, утомленными. К последней партии блинов с семгой никто не касается.

— Дай бог доброго здоровья, — начал Кирюша, вставая из-за стола.

— А ты бы еще ел.

— Много довольны... не могу!

— Что ты, Кирюша, подельываешь? — обратилась к нему Анна Герасимовна.

Кирюша глупо улыбнулся.

— Ничего!

— Я тебе говорила — женись.

— Жениться... по нынешним временам...

— Ну, торговлю бы открыл...

— Торговать тоже... по нынешним временам...